

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-5-21>

УДК 342.5

Attribution

cc by

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ФУНКЦИОНАЛ КОДИФИКАЦИИ
ЦИФРОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Чимаров С.Ю., Яремчук В.П.

Санкт-Петербургский университет МВД России

Аннотация. *Актуальность:* феномен экспоненциально нарастающего потенциала информационного общества XXI века, практическое воплощение которого находит свое выражение в достижениях нового технологического уклада, наиболее ярко проявляющегося в создании цифрового мира, предопределяет необходимость правового регулирования общественных отношений, обусловленных процессом цифровой трансформации общества и государства. Принятие, в этой связи, множества нормативных правовых актов, действие которых направлено на регламентацию отдельных сторон цифрового взаимодействия между различными его акторами, способствует появлению различных правовых источников, обилие которых создает определенные проблемы для перевода цифровой среды из серой зоны правовой неопределенности в упорядоченную систему координат рыночных отношений. Размывая границы между физическим и цифровым мирами, цифровая среда в состоянии порождать реальные последствия для отдельных физических и юридических лиц, с точки зрения их общения, совершаемых действий и соблюдения этических норм. Отмеченное свидетельствует в пользу актуальности изучения имеющегося опыта кодификации как одной из определяющих черт большинства юрисдикций гражданского права и специального рассмотрения отдельных кодификационных актов, содержащих гармонизированные и взаимосвязанные нормы, контекст которых направлен на правовое регулирование цифровых вариаций общения, действий и транзакций, а также на противодействие различного рода преступлениям, совершаемым в цифровой среде. Цель: выявить существенные особенности государственно-правового функционала кодификации цифрового законодательства в ряде зарубежных стран, представив при этом принимаемые на национальном уровне цифровые Кодексы не как абстрактные нормативные правовые акты, а как необходимый инструмент для полноценного запуска процесса цифровизации современного общества и государства. Методы: в основу проведенного исследования положен ряд общенаучных методов (анализ, синтез, индукция и дедукция), а также применены специальные методы (сравнительно-правовой и формально-юридический) и познавательные методы эвристики, аксиологии и метод контент-анализа. Результаты: в публикации проведено обоснование кодификации цифрового законодательства, процесс которой корреспондирует общему замыслу цифровой трансформации общества XXI века и современного государства. Кроме того, авторами представлен сравнительный анализ двух первых в мире Цифровых кодексов, принятых в Кыргызской Республике (2025 год) и Республике Казахстан (2026 год), в части выявления существенных положений, связанных с правовым регулированием общественных отношений в цифровой среде. Выводы и заключения: материалы представленной публикации свидетельствуют: во-первых, о востребованности кодификации цифрового законодательства, как условия повышения уровня защищенности общества, государства и личности от цифровых угроз современного мира; во-вторых, о необходимости осмысления и учета первого в мире опыта принятия Цифровых кодексов в двух государствах Центральной Азии.

Ключевые слова: право, правовое регулирование, государство, цифровое законодательство, цифровая среда, цифровая трансформация, кодификация.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

STATE AND LEGAL FUNCTIONALITY OF CODIFICATION OF DIGITAL
LEGISLATION: IN THE CONTEXT OF FOREIGN EXPERIENCE

Sergey Yu. Chimarov, Victoria P. Yaremchuk

St. Petersburg university of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. *Relevance.* The exponentially expanding potential of the 21st-century information society, whose practical embodiment is reflected in the achievements of the new technological order, most clearly manifested in the creation of the digital world, necessitates the legal regulation of social relations arising from the digital transformation of society and the state. The adoption of numerous regulatory legal acts aimed at regulating individual aspects of digital interactions between various actors contributes to the emergence of various legal sources, the abundance of which poses challenges for transforming the digital environment from a gray zone of legal uncertainty into an orderly system of market relations. By blurring the boundaries between the physical and digital worlds, the digital environment has the potential to generate real consequences for individuals and legal entities, in terms of their communications, actions, and ethical compliance. The above points to the relevance of studying existing codification practices as one of the defining

characteristics of most civil law jurisdictions and specifically examining individual codification acts containing harmonized and interrelated norms, the context of which is aimed at legally regulating digital variations of communication, actions, and transactions, as well as combating various types of crimes committed in the digital environment. Objective: To identify the essential features of the state and legal functionality of digital legislation codification in a number of foreign countries, while presenting digital codes adopted at the national level not as abstract normative legal acts, but as a necessary tool for fully launching the digitalization process of modern society and the state. Methods: The study is based on a number of general scientific methods (analysis, synthesis, induction, and deduction), as well as special methods (comparative legal and formal legal), and cognitive methods of heuristics, axiology, and content analysis. Results: The publication provides a rationale for the codification of digital legislation, a process that aligns with the overall vision of the digital transformation of 21st-century society and the modern state. Furthermore, the authors present a comparative analysis of the world's first two Digital Codes, adopted in the Kyrgyz Republic (2025) and the Republic of Kazakhstan (2026), identifying key provisions related to the legal regulation of public relations in the digital environment. Conclusions: The materials of this publication demonstrate, firstly, the demand for the codification of digital legislation as a condition for increasing the level of protection of society, the state, and individuals from digital threats in the modern world; secondly, the need to understand and take into account the world's first experience of adopting Digital Codes in two Central Asian states.

Key words: law, legal regulation, state, digital legislation, digital environment, digital transformation, codification.

Funding: Independent work.

Введение.

Апеллируя к теме роли государства и права в цифровой среде и прочно сопряженной с ней темой кодификации цифрового законодательства, важно уточнить содержание термина «цифровая среда», под которой предлагается понимать доступное через Интернет виртуальное пространство, создающее для пользователей необходимые условия для их сотрудничества и участия в различных видах деятельности с использованием большого числа цифровых устройств, платформ социальных сетей и технологий виртуальной реальности.

Анализ ряда документов Российской Федерации и особенно национального проекта «Экономика данных, и цифровая трансформация государства» от 20 декабря 2024 г. № 12 пр. [1], период реализации которого определен на 2025-2030 годы, а содержание входящих в него 9 федеральных проектов основано на положениях множества документов, распространяющих свое действие на правовую регламентацию цифровой среды, свидетельствует о востребованности кодификации российского цифрового законодательства. Подтверждением этому также может служить и состояние дел с отдельными ведомственными нормативными правовыми актами [2], касающихся вопросов цифровой трансформации и оперирующих различными подходами к ее пониманию.

Отмеченное позволяет изучить проблему востребованности кодификации российского цифрового законодательства, обратив при этом внимание на достигнутый опыт отдельных стран, таких как Кыргызская Республика (далее – Кыргызстан) и Республика Казахстан (далее – Казахстан), уверенно вставших на путь кодификации национального цифрового законодательства, что соответствует выводу немецкого историка права Ф. Викера, по мнению которого кодификация продолжает оставаться ценным и проверенным временем инструментом законодательной техники и в XXI веке [3, p. 257].

Обсуждение.

Закономерный характер происходящих в современном государстве изменений, обусловленных цифровой трансформацией общества, способствует внесению в повестку дня вопроса относительно роли государственно-правового функционала в становлении национальной модели правовой регламентации новой парадигмы общественных отношений, исходя из форсированного внедрения в их область достижений нового технологического уклада, основанных на цифровизации большинства технических решений. Отмеченное обстоятельство дополняется признанием значительной части российского и зарубежного общества несомненных достоинств цифровых технологий, позволяющих на более высоком уровне эффективности решать широкий спектр актуальных задач, стоящих перед человечеством.

Указанное суждение корреспондирует логике размышлений, которые представил российский правовед В.Л. Кулапов, определивший государственно-правовые функции в качестве ключевых направлений совокупного влияния государства и права на особо значимые общественные отношения, в интересах реализации универсальных социальных целевых установок, принятых как ответ на действующие в обществе закономерности его развития [4, с. 106].

Размышляя на тему эволюции права и его функционала в части стремления права к координации правовых положений и их нацеленности на происходящие в обществе изменения, венгерский юрист Ч. Варга признает двоякое назначение права:

во-первых, содействие сохранению установленных или принудительно поддерживаемых социальных отношений;

во-вторых, создание ранее неизвестных или недостаточно распространенных социальных отношений и их насильственное принятие [5, p. 493].

В русле проводимого нами исследования, данное пояснение указанного правоведа имеет определяющее значение, поскольку подтверждает гибкий характер правовой конструкции государства, принявшего на вооружение идею цифровой трансформации и стремящегося к наведению правового порядка в цифровой среде, формирование которой является отражением происходящих в мире цифровых процессов, а само достижение этого порядка в определяющей степени сопряжено с кодификацией цифрового законодательства.

В то же время, отдельные специалисты в области юриспруденции, исследующие функционал кодификации в современную эпоху, справедливо указывают на то, что новые и еще глубоко не исследованные области права зачастую лучше сначала рассматривать в специальных законах, и только позже включать их в Цифровой кодекс посредством «перекодификации» [6].

Подобного рода «перекодификация» цифрового законодательства впервые, не только среди государств Центральной Азии, но и в мире, была осуществлена в Кыргызстане и Казахстане, с принятием соответствующих Цифровых кодексов.

Принятие в июле 2025 г. Цифрового Кодекса Кыргызской Республики (далее – Цифровой кодекс КР) [7], состоящего из 200 статей и вступившего в силу 8 февраля 2026 г. [8], позволило законодательно закрепить в общей его части:

1. Основы правового регулирования в цифровой среде, включающие:
 - 101 определение основных понятий; основы отношений в цифровой среде;
 - принципы регулирования цифровой среды;
 - значение Цифрового кодекса КР и других нормативных правовых актов, направленных на регулирование цифровой среды;
 - правовой статус цифровых сообществ; признание международной практики субъектов правоотношений в цифровой среде.
2. Вопросы государственного регулирования в цифровой среде, в том числе:
 - формы государственного регулирования отношений в цифровой среде;
 - координирование деятельности в цифровой среде;
 - отраслевое регулирование и надзор в цифровой среде;
 - правовой статус экспертных советов;
 - особенности аккредитации субъектов для осуществления проверок в соответствующей сфере;
 - правила и стандарты профессиональной деятельности в цифровой среде;
 - вопросы эксплуатации телекоммуникационных сетей.
3. Режим специального регулирования правоотношений в цифровой среде, включающий в себя: цели и принципы специального регулирования, а

также особенности его применения, изменения и завершения.

4. Правовые основы взаимодействия в цифровой среде, в том числе принципы регулирования взаимодействия и соглашения о нем.

5. Правоотношения в цифровой среде, касающиеся их объектов, а также цифровых данных и записей, ресурсов, сервисов, экосистем и технологических систем.

6. Субъекты правоотношений в цифровой среде и их правовой статус.

7. Вопросы цифровой идентификации, в том числе: право на идентичность, отраслевые принципы цифровой идентификации, контактной информации, государственной системы биометрической идентификации и единой системы идентификации Кыргызстана, обезличивания персональных записей и ответственности за нарушение права на идентичность.

8. Основания возникновения, изменения и прекращения правоотношений в цифровой среде.

9. Осуществление прав и исполнение обязанностей в цифровой среде, включая порядок использования общедоступных и открытых данных, а также вопросы, касающиеся цифровой устойчивости, систем управления рисками в цифровой среде, рассмотрения споров в цифровой среде и ряд других.

Особенная часть Цифрового кодекса КР включает в себя разделы, содержащие правовые положения, касающиеся:

- 1) обработки цифровых данных, включая персональные данные;
- 2) порядка использования радиочастотного спектра;
- 3) цифровых сервисов;
- 4) цифровых технологических систем;
- 5) систем искусственного интеллекта.

Как следует из анализа текста, указанного документа, наиболее употребимым в нем термином выступает термин «цифровая среда». Согласно п. 83 ст. 1 данного документа, цифровая среда – это не имеющая территориальных границ система общественных отношений по обработке цифровых данных с использованием цифровых устройств.

В контексте современных технологий манипулирования сознанием общества и личности, необходимо признать деструктивный характер технологических приемов дезинформации, связанных с дипфейками и биометрией.

С учетом отмеченного и в целях обеспечения транспарентности действий в цифровой среде, в ст. 197 Цифрового кодекса КР особое внимание уделено технологиям распознавания эмоций, биометрии и дипфейков, условием применения которых является информирование пользователей об искусственном происхождении продвигаемого контента или изменении исходных материалов. При этом использование систем искусственного интеллекта для дипфейков разрешено создавать в целях реализации права на свободу различных видов творчества, преподавания и обучения.

Отмечая революционный характер принятия Цифрового кодекса КР, объединившего в единое целое пять ранее разрозненных законов для области цифрового законодательства, кыргызстанский практикующий юрист Ф.А. Якумбаева отождествляет данный документ с механизмом, концептуально родственным особому правовому режиму регулятивной песочницы (англ. «Regulatory Sandbox»), позволяющему осуществлять тестировать новые цифровые решения в условиях реального времени, обеспечивая при этом:

во-первых, снижение уровня регуляторной неопределенности;

во-вторых, поддержку инноваций и привлечение инвестиций;

в-третьих, надежное сохранение гарантированных Основным законом Кыргызстана прав и свобод каждого гражданина [9].

Принятый 9 января 2026 г. второй в мире Цифровой кодекс Республики Казахстан (далее – Цифровой кодекс РК) [10] также способствует новому формированию архитектуры цифрового права, демонстрируя при этом национальную особенность данного документа, состоящего из 106 статей.

В структурном отношении, Цифровой кодекс РК, введение в действие которого определено по истечении шести месяцев со дня его первого опубликования, состоит из 6 разделов.

Раздел I содержит общие положения, касающиеся цифрового законодательства Казахстана, его целей, задач и принципов, а также правового статуса объектов цифровой среды, их видов и специальных режимов.

Руководствуясь принципом технологической нейтральности правового регулирования цифровой среды, казахстанский законодатель закрепил в ст. 12 Цифрового кодекса РК равенство отношения к различным цифровым технологиям, а также необходимость обеспечения предсказуемости и стабильности правового регулирования для случаев появления новых вариаций цифровых технологий.

Вместе с тем, анализируемый документ свидетельствует о комплексном подходе по линии государства, организаций и отдельных граждан к решению вопроса формирования и соблюдения этических стандартов поведения в цифровой среде (ст. 13), совокупными компонентами которой согласно ст. 1 являются:

1) инфраструктура;

2) технологии;

3) процессы и условия для создания, обращения, хранения, передачи и использования цифровых данных и цифровых объектов.

Раздел II посвящен закреплению правового положения объектов цифровой среды (цифровых данных и цифровых объектов), продуктов цифровых данных и их оборота, а также специальных режимов цифровых объектов.

Раздел III нацелен на правовую регламентацию вопросов, касающихся субъектов цифровой среды, их видов, прав и обязанностей

Раздел IV содержит статьи, закрепляющие правовые отношения в цифровой среде и касающиеся цифровой идентификации, электронной цифровой подписи, ее инфраструктуры и удостоверяющих центров, а также перечня документов в цифровой среде.

Раздел V посвящен вопросу цифрового государственного управления и касается цифровой архитектуры государства, цифрового правительства, жизненного цикла цифрового объекта и цифровой трансформации.

Раскрывая содержание цифровой трансформации и конкретизируя ее направления, Цифровой кодекс РК акцентирует внимание на роли цифровой трансформации в решении задачи модернизации объектов цифровой инфраструктуры и ряде других задач, в части цифрового государственного управления.

Отличительной особенностью указанного раздела анализируемого нами документа является закрепление в ст. 95 определения индекса цифрового развития, а также порядка его определения.

Раздел VI является заключительным и содержит ряд статей, закрепляющих правовую регламентацию вопросов безопасности и направлений международного сотрудничества Казахстана в сфере цифровизации.

При обсуждении положений Цифрового кодекса РК на стадии опубликованного его проекта среди казахстанских юристов развернулась широкая дискуссия, в ходе которой были даны разнополярные оценки отдельных положений указанного документа, яркими их выразителями выступили видные ученые Д.Л. Байдельдинов и С.Г. Темирбулатов.

По мнению Д.Л. Байдельдинова, факт принятия Цифрового кодекса РК подтверждает закономерное движение Казахстана по пути его вхождения в новую технологическую эпоху, основанное:

во-первых, на очевидных достижениях государства в области развития цифровой инфраструктуры современной связи;

во-вторых, на эффективной работе национальной модели электронного правительства, использующего уникальные возможности универсальных по своему функционалу платформ GovTech и QazTech [11].

Вместе с тем, указанный правовед признает необходимость внимательного отношения к суждениям юристов цивилистического профиля, высказывающих опасения в поспешности принятия Цифрового кодекса РК, доводы которых основаны на недостатке правоприменительной практики в области цифрового права.

Тем не менее, сторонники принятия казахстанской версии Цифрового кодекса исходят из того, что данный правовой документ позволит:

во-первых, укрепить фундаментальную основу для устойчивого и безопасного развития цифровой экономики;

во-вторых, создать необходимые условия для гарантированной защиты в цифровой среде прав граждан и бизнеса;

в-третьих, придать обществу и государству стратегическое видение продвижения страны в эпоху цифровой трансформации;

в-четвертых, обеспечить баланс между свободой развития в современном цифровом мире и защитой государства, общества и личности от цифровых угроз;

в-пятых, открыть новые перспективы для внедрения инноваций и углубления международного сотрудничества, на основе цифрового варианта общественных отношений.

Научная позиция С.Г. Темирбулатова не противоречит идее, связанной с необходимостью принятия Цифрового кодекса РК, поскольку «сам факт кодификации правовых норм в технологически изменчивой сфере объективно повышает требования к юридической технике, их системности и ясности, а также конституционной выверенности регулирования» [12]. Однако, соглашаясь в своих суждениях с оправданным подходом к обеспечению широты и технологической нейтральности текста Цифрового кодекса РК, указанный конституционалист отмечает его излишнюю абстрактность, что способствует снижению уровня правовой определенности, в том числе при определении ряда основополагающих понятий и, в первую очередь, понятия цифровой среды.

Кроме того, критические замечания касаются вопросов, связанных с недостаточной проработкой отдельных аспектов в отношении коллизионных привязок, таких как место обработки данных, нахождение серверов и юрисдикция цифровых платформ.

Особая уязвимость конструкции текста Цифрового кодекса РК усматривается в факте закрепления приоритета данного документа при коллизии с иными законами. Таким образом, «при буквальном толковании такое положение может вступить в напряжение с

системную ролью Гражданского кодекса как базового акта частного права» [12], – отмечает С.Г. Темирбулатов.

Заключение.

Проведенное исследование позволяет заключить следующее:

1. Динамичный характер развития цифровых технологий и искусственного интеллекта предопределяет применение нового подхода к правовому регулированию многогранной области цифровой среды. Отмеченное обстоятельство свидетельствует о необходимости более строгой организации правового регулирования цифровых способов государственного управления, организации работы электронного правительства, перевода экономики на путь цифрового развития, борьбы с киберпреступлениями, а также взаимоотношений пользователей в условиях цифрового мира, наиболее ярким воплощением которого является искусственно формируемая виртуальная реальность. Эффективность решения спектра отмеченных и ряда других возникающих задач в цифровой среде в определяющей степени обусловлена кодификацией цифрового законодательства, впервые в мире предпринятой актами принятия в Кыргызстане (2025 год) и Казахстане (2026 год) соответствующих Цифровых кодексов.

2. Современная эпоха тотального проникновения цифрового способа коммуникации в различные сферы общественной и частной жизни, государственного управления и экономики подтверждает необходимость формирования на национальном уровне новой архитектуры цифрового права, что позволит обеспечить более надежную защиту данных, справедливо входящих в номинацию новой формы ценности и метафоричным образом именуемых в качестве «нефти» цифровой эпохи XXI века. При этом повышение уровня надежности обработки данных имеет устойчивое сопряжение с этикой применения новых цифровых технологий и достижения той ситуации, при которой не «цифра» и искусственный интеллект являются вершителями судьбы общества, государства и человека, а наоборот, указанные акторы цифрового взаимодействия выступают в качестве идеологов и разработчиков новых цифровых систем, а также арбитров их справедливого применения на основе общепринятых канонов эффективной и безопасной технологической среды.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Список источников:

1. Национальный проект "Экономика данных и цифровая трансформация государства". Утвержден протоколом Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 20 декабря 2024 г. № 12 нр. URL: <https://digital.gov.ru/target/nacziionalnyj-proekt-ekonomika-dannyh-i-cifrovaya-transformaciya-gosudarstva> (дата обращения: 05.04.2026).

2. Приказ Генпрокуратуры России от 11 сентября 2025 г. № 621 "Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года". URL:

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_514574/4a0899d7c53aa6d2960e3bef3a3e73af68fb31e6/ (дата обращения: 05.04.2026).

3. Wieacker F. *A History of Private Law in Europe*. - Oxford: Clarendon Press, 1995. - 536 p.
4. Кулапов В.Л. Государственно-правовые функции // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2024. - № 2(157). - С. 94-109. DOI: 10.24412/2227-7315-2024-2-94-109 EDN: AOVLDV
5. Varga C. *The function of law and codification* // Anuario de Filosofia del Derecho. - № 7. - Madrid, 1973-1974. - Pp. 493-501. URL: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/2065296.pdf> (дата обращения: 04.04.2026).
6. Schmidt J.P. *Codification* // Max-EuP, 2012. URL: <https://max-eup2012.mpipriv.de/index.php/Codification> (дата обращения: 04.04.2026).
7. Цифровой Кодекс Кыргызской Республики от 31 июля 2025 года № 178. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-48/edition/35412/ru> (дата обращения: 02.04.2026).
8. Закон Кыргызской Республики от 31 июля 2025 года № 179 "О введении в действие Цифрового кодекса Кыргызской Республики" // Эркин-Тоо от 5 августа 2025 года № 58 (3714).
9. Якумбаева Ф.А. Цифровой кодекс Кыргызской Республики: что важно знать. 07 января 2026. URL: <https://iakupbaeva.com/posts/rnanyspzd1-tsifrovoyi-kodeks-kirgizskoi-respubliki-c> (дата обращения: 04.04.2026).
10. Кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII "Цифровой кодекс Республики Казахстан" // Егемен Қазақстан от 10 января 2026 года № 5-6 (31237).
11. Байдельдинов Д.Л. Цифровой кодекс Казахстана - шаг в будущее. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=33503021&pos=10;422 (дата обращения: 05.04.2026).
12. Темирбулатов С.Г. Критический анализ Цифрового кодекса Республики Казахстан (конституционно-правовые и гражданско-правовые аспекты). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=32155203&pos=6;334 (дата обращения: 05.04.2026).

References:

1. National project "Data Economy and digital Transformation of the State". Approved by the Protocol of the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation on Strategic Development and National Projects dated December 20, 2024 No. 12 ave. URL: <https://digital.gov.ru/target/nacziionalnyj-proekt-ekonomika-dannyh-i-cifrovaya-transformacziya-gosudarstva> (date of request: 04/05/2026).
2. Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated September 11, 2025 No. 621 "On Approval of the Concept of Digital Transformation of Bodies and organizations of the Prosecutor's Office of the Russian Federation until 2030". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_514574/4a0899d7c53aa6d2960e3bef3a3e73af68fb31e6/ (date of access: 04/05/2026).
3. Wieacker F. *A History of Private Law in Europe*. - Oxford: Clarendon Press, 1995. - 536 p.
4. Kulapov V.L. *State-legal functions* // Bulletin of the Saratov State Law Academy. - 2024. - № 2(157). - Pp. 94-109. DOI: 10.24412/2227-7315-2024-2-94-109 EDN: AOVLDV
5. Varga C. *The function of law and codification* // Anuario de Filosofia del Derecho. - No. 7. - Madrid, 1973-1974. - Pp. 493-501. URL: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/2065296.pdf> (date of access: 04/04/2026).
6. Schmidt J.P. *Codification* // Max-EuP, 2012. URL: <https://max-eup2012.mpipriv.de/index.php/Codification> (date of request: 04/04/2026).
7. Digital Code of the Kyrgyz Republic dated July 31, 2025 No. 178. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-48/edition/35412/ru> (date of reference: 04/02/2026).
8. Law of the Kyrgyz Republic dated July 31, 2025 No. 179 "On the Introduction of the Digital Code of the Kyrgyz Republic" // Erkin-Llp dated August 5, 2025 No. 58 (37149).
9. Yakupbaeva F.A. *Digital Code of the Kyrgyz Republic: what is important to know*. January 07, 2026. URL: <https://iakupbaeva.com/posts/rnanyspzd1-tsifrovoyi-kodeks-kirgizskoi-respubliki-c> (date of request: 04/04/2026).
10. Code of the Republic of Kazakhstan dated January 9, 2026 No. 255-VIII "Digital Code of the Republic of Kazakhstan" // Egemem Kazakhstan dated January 10, 2026 No. 5-6 (31237).
11. Baideldinov D.L. *Digital Code of Kazakhstan - a step into the future*. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=33503021&pos=10;422 (accessed: 04/05/2026).
12. Temirbulatov S.G. *Critical analysis of the Digital Code of the Republic of Kazakhstan (constitutional, legal and civil aspects)*. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=32155203&pos=6;334 (accessed: 04/05/2026).

Информация об авторах:

Чимаров Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы, Санкт-Петербургский университет МВД России. E-mail: serg120756@gmail.com, ORCID ID: 0000-0002-8323-6953

Яремчук Виктория Павловна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры управления персоналом и воспитательной работы, Санкт-Петербургский университет МВД России. E-mail: vicktoria.yaremchukkk@yandex.ru, ORCID ID: 0009-0003-6063-5331

Sergey Yu. Chimarov, doctor of historical sciences, professor, professor of the department of personnel management and educational work, St. Petersburg university of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Yaremchuk V. Pavlovna, candidate of legal sciences, teacher of the department of personnel management and educational work, St. Petersburg university of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 11.04.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.04.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.05.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.